

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

<http://edoc.bseu.by/>

С. Д. Белоусова

Национальный центр законодательства и правовых исследований

Республики Беларусь

Аннотация

В статье рассматривается механизм саморегулирования как способ регулирования общественных отношений, возникающий в связи с внедрением и использованием цифровых технологий. Делается вывод, что саморегулирование должно являться не заменяющим государственное регулирование механизмом, а дополняющим его.

Ключевые слова: саморегулирование, цифровые технологии, саморегулируемая организация, кодекс поведения.

Республика Беларусь, как и любое другое государство, постоянно находится в поиске наилучшего сочетания частных и публичных интересов в процессе регулирования предпринимательской и профессиональной деятельности. Выработка оптимального решения особенно актуализируется ввиду назревшей необходимости уменьшения государственного регулирования экономической деятельности.

Директивой Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» заложен важнейший принцип по осуществлению государственной политики в данном направлении: «конкуренция – везде, где возможно, государственное регулирование – там, где необходимо». Ввиду этого перспективным направлением построения взаимоотношений государства и бизнеса представляется саморегулирование экономической деятельности, предусмотренное в таких документах, как Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» и Программа социально-экономического развития на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292. Как справедливо отмечает А. В. Минбалеев, саморегулирование представляет собой форму совместного существования гражданского общества и государства, суть которой в том, чтобы государство обеспечивало реализацию инициатив тех или иных субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, направленных на улучшение качества производимых товаров (оказываемых услуг, выполняемых работ), защиту прав потребителей и иных лиц [1, с. 254].

В общем виде саморегулирование (self-regulation) определяется как «способность объекта развиваться без воздействия извне и самонастраиваться на происходящие во внешней среде изменения» [2, с. 3]. С экономической точки зрения, оно раскрывается как «правительственный подход к

регулированию какого-либо из секторов экономики, заключающийся в том, что формулируются только общие цели, но задача разработки и внедрения в жизнь детальных правил предоставляется органу, состоящему из действующих в данном секторе лиц» [3, с. 797]. В юридической науке единства по данному вопросу нет, однако наиболее оптимальной представляется точка зрения, согласно которой саморегулирование понимается как одна из форм индивидуально-правового регулирования, в рамках которого субъект права по своему усмотрению не только приобретает и осуществляет права, но и создает в определенных пределах правила поведения. В данном случае саморегулирование осуществляется посредством договоров в частном и публичном праве, локальных актов, норм-самообязательств, обращенных «внутри» организаций-субъектов или к их отношениям между собой [4, с. 6].

В то же время все сферы жизнедеятельности, и, в частности, экономическая сфера вынуждены развиваться под влиянием различных цифровых технологий. На республиканском уровне тренды перехода к цифровой экономике нашли свое отражение в ряде программных документов. Так, Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, и Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348, определяют ключевые направления цифровой трансформации традиционных секторов национальной экономики. Одним из правовых рисков, который обозначен в части реализации данных программ, является длительность формирования нормативной правовой базы, соответственно, законодатель не всегда успевает за стремительно развивающимися отношениями в данной сфере ввиду появления новых и развития старых цифровых технологий, в частности, искусственный интеллект и машинное обучение (Artificial intelligence & Deep learning), блокчейн (Blockchain), виртуальная и дополненная реальность (Augmented & additive reality) и др.

Учитывая необходимость наличия более-менее определенного и понятного для всех регулятора общественных отношений в сфере внедрения и использования цифровых технологий, саморегулирование может оказаться весьма полезным. Это позволит более оперативно реагировать на трансформацию общественных отношений, вызванную использованием цифровых технологий, поскольку зачастую законодатель фактически не успевает определиться с необходимостью и возможностью регулирования той или иной технологии, а уже появляются новые, в отношении которых приходится ставить те же задачи и, соответственно, появляющиеся нормативные правовые акты, как правило, являются уже технологически устаревшими. Кроме того, саморегулирование позволяет выработать собственную систему правил и механизмов, с помощью которых становится возможным регулировать поведение участников не только в тех случаях, когда

правовое регулирование отсутствует, но и в случае его неэффективности [1, с. 255].

Безусловно, в данном случае механизм саморегулирования является не заменяющим правовое регулирование, а дополняющим, тесно взаимодействующим с другими регуляторами. Так, профессор Оксфордского университета Л. Флориди отмечает, что саморегулирование является хорошим шагом в преодолении этического кризиса ввиду использования цифровых технологий, тем не менее, это не значит, что за ним не последуют шаги юридического характера в случае, если эффект окажется не таким, каким он ожидался со стороны государства и общества. В частности, в Европейском союзе организации при работе с цифровыми технологиями, помимо Общего регламента по защите данных (GDPR, действующий с 2016 года), руководствовались в основном правилами, разработанными ими самими, ввиду отсутствия законодательной базы в данной сфере. Однако позднее многие аспекты разработки и использования цифровых технологий стали регламентироваться такими документами Европейского союза, как Закон о цифровых рынках, Закон о цифровых услугах и Закон об искусственном интеллекте [5, с. 621].

Саморегулирование, по сути, может осуществляться в разных формах, среди которых создание саморегулируемых организаций (далее – СРО), принятие кодексов поведения, этических правил отдельными организациями в рамках своей деятельности. Так, в настоящее время только зарождается правовое регулирование блокчейн-технологий, связанных с финансовыми рынками (криптовалюты, ICO, токены, майнинг).

Между тем по данным Конференции ООН по торговле и развитию наибольшая доля держателей криптовалюты среди населения в 2021 году приходится на Украину (12,7 %), Россию (11,9 %) и Венесуэлу (10,3 %); в топ-20 стран держателей криптовалюты вошла Беларусь (3,7 %) [6]. Организации на данном этапе в условиях отсутствия правового регулирования могли бы объединить участников цифровых платформ и разработать правила, обязательные к исполнению, создать компенсационные фонды ответственности. Использование института саморегулируемых организаций в данной ситуации способствует снижению финансовых рисков, риска мошенничества, сделает рынок криптовалют более прозрачным, поможет наработать типовые решения применения блокчейн-технологий [7, с. 91]. СРО в данной сфере уже функционируют в ряде зарубежных стран. В Японии действуют такие СРО, как Японская ассоциация бирж виртуальных валют (JVCEA) и Японская ассоциация по размещению токенов акций (JSTOA) [8]. В Швейцарии осуществляет работу СРО «Crypto Valley Association» (CVA), которая разработала Кодекс поведения ICO для Швейцарии, предусматривающий такие аспекты, как деловая этика, многообразие и инклюзия, книги и записи, право собственности, нарушения и дисциплинарные меры, сделки [9]. В США функционирует Ассоциация виртуальных биржевых торгов (VCA) не имеющая пока статуса СРО, но стремящаяся его получить [10].

Касаемо различных стандартов и правил поведения, до недавнего времени их эффект в регулировании социального поведения оценивался как незначительный, поскольку считалось, что нормы саморегулирования не являются юридически обязательными и представляют собой лишь предлагаемые моральные стандарты. Однако на сегодняшний день во многих странах идут по пути применения саморегулирования особенно в тех областях, где, как показывает опыт, отсутствует юридическая защита прав потребителей. Кодексы поведения в цифровой среде, как правило, содержат лучшие юридические и этические практики, включающее все действующее законодательство, регулирующее ту или иную цифровую технологию, а также дополнительные положения, обеспечивающие большую защиту потребителей, чем это предусмотрено законодательством. При разработке таких кодексов идут по пути применения так называемых частично императивных правил (от немецкой доктрины *Halbzwingende Vorschriften*), которые могут быть изменены только в интересах потребителя, но не наоборот [11]. Наряду с этим указывается, что кодексы поведения прежде всего должны быть направлены на негативные аспекты деятельности субъектов, устанавливая следующее: 1) достоверную вероятность обнаружения нарушения, 2) быстрые, четко определенные санкции, которые налагаются на недобросовестный субъект и 3) превентивный характер санкций как мер ответственности как в пределах денежных лимитов, которые они застраховали, заключив договор страхования, так и путем ограничения доступа к ресурсам (техническая санкция) [12, с. 632].

Таким образом, саморегулирование – это более гибкая система регулирования общественных отношений, которое может осуществляться в различных формах: посредством создания СРО, принятия кодексов поведения или этических правил и т.д. Саморегулирование является более неформальным, чем законодательство, и лишено принудительной силы государственного органа, поэтому его эффективность напрямую зависит от наличия благоприятной культурной среды и вовлеченности всех сторон. В то же время саморегулирование не должно являться единственным регулятором цифровых технологий, а лишь дополняющим механизмом, усиливающим защиту потребителей и пользователей таких технологий.

Список использованных источников:

1. Минбалеев, А. В. Место и роль саморегулирования в развитии цифровых технологий / А. В. Минбалеев // Образование и право. – 2019. – № 1. – С. 253–256.
2. Скоробогатов, Ю. В. Саморегулирование: границы применимости понятия / Ю. В. Скоробогатов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2014. – № 4. – С. 3–7.
3. Блэк, Д. Экономика : Толковый словарь: Англо-русский / Д. Блэк ; пер.: А. В. Щедрин и др. ; под ред.: И. М. Осадчая. – М. : ИНФРА-М: Весь мир, 2000. – 830 с.

4. Максимович, О. Н. Саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности как проявление гражданско-правового метода регулирования общественных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Н. Максимович ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007. – 21 с.

5. Floridi, L. The End of an Era: from Self-Regulation to Hard Law for the Digital Industry / L. Floridi // *Philosophy & Technology*. – 2021. – № 34. – P. 619–622.

6. Аналитическая справка Конференции ООН по торговле и развитию за 2021 год № 100 [Электронный ресурс] // Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). – Режим доступа : https://unctad.org/system/files/official-document/presspb2022d8_en.pdf?fbclid=IwAR1whBoNCSpqzAEBkLViqwe2CFemCkkWGvW2_2VON2yaFkt50zXAYg57ZVw. – Дата доступа : 30.09.2022.

7. Ковалева, Н. А. Практика государственного регулирования применения блокчейн-технологий и ее совершенствование на основе зарубежного опыта / Н. А. Ковалева // *Экономика. Налоги. Право*. – 2019. – № 4. – С. 87–93.

8. Japan's Financial Services Agency Recognizes the Nation's Virtual Currency Exchange and Japan STO as Self-Regulatory Bodies [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.crowdfundinsider.com/2020/05/160880-japans-financial-services-agency-recognizes-the-nations-virtual-currency-exchange-and-japan-sto-as-self-regulatory-bodies/>. – Date of access : 02.10.2022.

9. Crypto Valley Association [Electronic resource]. – Mode of access : <https://cryptovalley.swiss/about-the-association/>. – Date of access : 02.10.2022.

10. Virtual Commodity Association [Electronic resource]. – Mode of access: <https://virtualcommodities.org>. – Date of access: 02.10.2022.

11. López Jiménez, D. New Directions in Corporate Social Responsibility and Ethics: Codes of Conduct in the Digital Environment [Electronic resource] / D. López Jiménez, E. Dittmar, J.P. Vargas Portillo // *Journal of Business Ethics*. – 2021. – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/349053595_New_Directions_in_Corporate_Social_Responsibility_and_Ethics_Codes_of_Conduct_in_the_Digital_Environment. – Date of access : 07.10.2022.

12. Sushkova, O. The Impact of Digital Technologies on the Development of Self-Regulation [Electronic resource] / O. Sushkova // Conference: 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020). – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/347871938_The_Impact_of_Digital_Technologies_on_the_Development_of_Self-Regulation. – Date of access : 07.10.2022.